

Рикардо Бофилл:

Известия - 2000 - 9 авг. - с. 10

Архитектура отражает наш неустоявшийся век очень точно

Рикардо Бофилл как-то без лишней скромности заявил, что «является частью истории архитектуры не только Испании, а всего человечества». И он имеет на это право — по его проектам построено множество престижных зданий по всему миру: Дворец конгрессов в мадридском Парке наций, несколько небоскребов в Чикаго, Олимпийский комплекс и здание аэропорта в Барселоне, офисы компаний «Роша», «Кристиан Диор» и Ротшильда в Париже. Настоящую всемирную славу принес в начале 80-х молодому тогда Бофиллу построенный по его проекту жилой комплекс во французском городе Марн-ля-Валле. Эта работа повлияла на мировую архитектурную моду и до сих пор влияет на работы российских архитекторов.

Владимир ВЕРНИКОВ

Все идеи Бофилла, как правило, рождаются в его мастерской. Внешне она напоминает современный дворец Дракулы, изнутри — студию художника-экспериментатора. А 30 лет назад это был просто гигантский склад цементного завода. О себе Бофилл говорит с гордостью, но, словно оправдываясь за возможные упреки, добавляет:

— Я всегда стараюсь выйти за рамки утилитарного запроса клиента. Пытаюсь даже в заказных работах не дать формальный архитектурный ответ, а предложить свое видение жизни. Это, естественно, влечет за собой и новые концепции строительства, и новые технологии. Ведь архитектура — искусство, где важно равновесие простоты и красоты.

У него удивительно спокойные, почти неподвижные глаза, скрытые за толстыми линзами очков. Он весь в себе, за закрытыми створками, а в глазах — сомнение и какой-то затененный страх. Говорят, это свойственно педантам. Он любит покопаться в себе.

— В 60-е годы, когда только начинал, у меня был достаточно романтический взгляд на жизнь, — улыбается Бофилл. — Своими проектами я пытался предложить новые формы жизни, но с годами понял, что и в творчестве любой из нас вынужден оглядываться на требования рынка. Архитектура — не чистое искусство, работаешь не для себя.

Бофилл — один из пионеров постмодернизма, но этот этап

он считает для себя пройденным. Его больше интересует новизна, чем совершенство. Он убежден: понимание архитектурного сооружения проходит на разных уровнях сознания, как прочтение романа или просмотр кинофильма. Дать людям эту возможность, ничуть не опасаясь их критики, — роскошь, которую он себе позволяет.

Практически все, созданное Бофиллом, очень скоро становится достоянием национальной культуры страны, где он работал. Бофилл отвергает само понятие транснациональной архитектуры, усматривая в нем усредненный стандарт. Но уверен в том, что архитектура интернациональна, ее язык не нуждается в переводе, хотя и требует глубокого знания истории, традиций, культуры и быта.

← Каталония дала миру таких великих художников, как Дали, Пикассо, Миро, Тапиес, тот же Гауди, — размышляет он. — Начинали они по сути в провинции, но никогда не были провинциалами. Сейчас, думаю, это было бы невозможно — смешение культур стало определяющей чертой современного творчества. Гауди мне особенно близок, его фантазии — это музыкальное барокко. И все же он вряд ли мог бы осуществить свои замыслы на другой, не каталонской, почве, вне мироощущения своего народа.

Архитектура стала индустрией, но она во многом зависит от кончика карандаша архитектора. Социальное расслоение, сокращается Бофилл, рождает, с одной стороны, дешевую, слабо проработанную архитектуру,

Театр в Марн-ля-Валле — типичная бофилловщина

пользующуюся возможностями современных технологий. С другой — монументальную, монструозную (многоэтажные небоскребы компаний или банковских зданий). Не считается с этим архитектору нельзя, если он хочет быть занят.

— Архитектура отражает наш неустоявшийся век очень точно, — говорит Рикардо. — Скажем, в 80-е годы торжествовал пост-

модернизм, разорвавший связь с авангардизмом 20-х годов, чуждым нашим дням. Но вскоре он выродился в моду, превратившись в официальное строительное кредо Америки.

Подходящим местом для своего очередного эксперимента Бофилл выбрал Китай, где создает проект нового города. Строительство патронирует правительство Китая, предприни-

матели из Гонконга, в нем участвуют инженеры из европейских стран, в том числе российские. В проекте учтены традиции и привычки китайцев и его, Рикардо Бофилла, опыт синкретизма градостроительных культур, что и позволяет избежать однообразия решений.

— Иногда я сам себе кажусь сценаристом в архитектуре, — замечает он. — Все, что делаю, напоминает мне кинопроизводство — со сценарием, планом съемок и, конечно, с рекламой. Вот почему я предпочитаю все «обкатать» сначала в своей домашней лаборатории, в том самом «цементном мешке», где работают архитекторы из многих стран, а затем уже выносить результаты на природу.

Сейчас Бофилл увлечен новым сюжетом — реконструкцией гигантского естественного лесопарка на окраине Мадрида, который хочет превратить в обжитой «внеземной» оазис. Бофилл непременно откликнулся бы на какой-нибудь интересный архитектурный конкурс в России, где у него много друзей, учеников и почитателей, но пока он не слышал ни о чем подобном.

Барселона—Мадрид

Наш испанец

Кичевым классицизмом назвал манеру Рикардо Бофилла влиятельный английский архитектурный критик Кеннет Фремpton, заметивший также, что такая архитектура неизбежно получает всемирный успех. Лет двадцать назад работами Бофилла были заполнены все мировые архитектурные журналы. Огромные многоквартирные жилые муниципальные дома, возведенные по последним строительным технологиям из стекла и железобетона, были обильно декорированы стилизованными колоннадами, портиками, эркерами. Уставший от вопиющего аскетизма модернистских коробок мир встретил бофилловскую монументальность с восторгом.

Зарубежные журналы изучали молодые советские архитекторы, к началу лужковского строительного бума именно они стали получать заказы в Москве. Уроки Бофилла ими явно освоены. Тем более что превращение зданий в монументальные дворцы с классици-

стическим декором — наша традиция, бывшая в сталинской архитектуре обязательной нормой. И многое построенное Бофиллом аукнулось в новой, выросшей на наших глазах Москве.

Неудивительно, что Рикардо Бофилл ничего не слышал о российских международных архитектурных конкурсах — в отличие от всего мира, где за право проектировать важные объекты в открытом конкурсе соревнуются архитектурные звезды многих стран, наша столица обходится своими силами. Но в своих идеях и даже в прямых цитатах Бофилл в Москве присутствует. Хотя уже не является столь же влиятельным и безусловным архитектурным авторитетом, как раньше.

Мир устал теперь уже от «соцреалистического мегаклассицизма», как называл архитектуру, подобную бофилловской, все тот же ехидный Фремpton. Ныне проектируют легче, изящнее, проще, экологичнее. Похоже, что и Москве постмодернизм с имперской миной основательно надоел, но понятно, что после пресного «брежневского модернизма» мы должны были пережить период увлечения репрезентативной, тяжелой архитектурой: банками-дворцами, домами-крепостями и величественными торговыми комплексами.

Ольга КАБАНОВА